

УДК 821.161.1

DOI 10.30914/2072-6783-2023-17-4-550-561

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ГОРИЗОНТЫ РАССКАЗА «ХРИСТОС В ГОСТЯХ У МУЖИКА» Н. С. ЛЕСКОВА

Н. Н. Старыгина

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Небольшой рассказ «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова демонстрирует эффективность контекстуального анализа, позволяющего исследователю с достаточной полнотой охарактеризовать его содержание и поэтику. Неповторимость данного текста заключается в его семантической многослойности, обусловленной «способностью» произведения открывать перед читателем все новые и новые контекстуальные горизонты. **Обсуждение.** Христианская семантика рассказа сосредоточена вокруг темы духовного возрождения и возрастания человека (сюжетобразующим мотивом является универсальный христианский мотив «спуститься, чтобы вознестись»). Этим мотивирован выбор основных направлений исследования: 1) история героя в контексте христианского учения о душевном устройении, 2) формирование мотивного комплекса рассказа, 3) символизация основных образов и мотивов, 4) использование автором христианской символики. Выявляются художественные способы, средства и приемы формирования христианского контекста рассказа (система христианских мотивов, комплекс библейских сюжетов, образов, символов, упоминания иконы, цитаты, аллюзии, цветосимволика и др.). Исследуются механизмы символизации бытовых мотивов и образов (семьи, дружбы, чтения, поколений, дома и др.). **Выводы.** Лесковский рассказ отличается значительным контекстуальным потенциалом, что позволяет читателю формировать индивидуальные контексты. Движение от текста к контексту и обратно приводит к практически неисчерпаемому смыслопорождению, формирует читательский интерес и создает условия для чтения рассказа не только маленькими, но и взрослыми читателями.

Ключевые слова: контекст, читатель, контекстуальная поэтика, изображение внутреннего мира, мотивный комплекс, символика

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Старыгина Н. Н.* Контекстуальные горизонты рассказа «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17. № 4. С. 550–561. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-4-550-561>

CONTEXTUAL HORIZONS OF THE STORY "CHRIST VISITING A PEASANT" BY N. S. LESKOV

N. N. Starygina

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. Introduction. The short story "Christ visiting a peasant" by N. S. Leskov demonstrates the effectiveness of contextual analysis, which allows the researcher to characterize its content and poetics with sufficient completeness. The uniqueness of this text lies in its semantic layering, due to the "ability" of the work to open up new and new contextual horizons to the reader. **Discussion.** The Christian semantics of the story is centered around the theme of spiritual rebirth and growth of man (the plot-forming motif is the universal Christian motif of "descending in order to ascend"). This motivates the choice of the main research directions: 1) the story of the hero in the context of the Christian teaching about the spiritual structure, 2) the formation of the motive complex of the story, 3) the symbolization of the main images and motives, 4) the use of Christian symbols by the author. Artistic methods, means and techniques of forming the Christian context of the story are revealed (a system of Christian motifs, a complex of biblical plots, images, symbols, mentions of icons, quotations, allusions, color symbols, etc.). The mechanisms of symbolization of everyday motifs and images (family, friendship, reading, generations, home, etc.) are investigated. **Conclusion.** Leskov's story has a significant contextual potential, which allows the reader to form individual contexts. The movement from the text to the context and back leads to an almost inexhaustible generation of meaning, generates reader's interest and creates conditions for reading the story not only by young readers, but also by adult readers.

Keywords: context, reader, contextual poetics, image of the inner world, motivic complex, symbolism

The author declares no conflict of interest.

For citation: Starygina N. N. Contextual horizons of the story “Christ visiting a peasant” by N. S. Leskov. *Vestnik of the Mari State University*, 2023, vol. 17, no. 4, pp. 550–561. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-4-550-561>

Понимание художественного текста основывается не только на восприятии содержательной конкретики (изображенные события, реалии, факты, люди), но и на осмыслении контекстуального содержания¹. «Контекст понимания» [2, с. 372] определяется контекстуальной компетентностью писателя, его способностью формировать контекстуальное содержание и моделировать контекстуальное поведение читателя. Каждый читатель обладает собственным «контекстом понимания», который зависит от его контекстуальной компетентности и восприимчивости. Чем более компетентен в этом плане читатель, чем более чуток он к авторским «контекстуальным подсказкам», тем глубже он осваивает смысловое пространство художественного текста, открывая и постигая все новые и новые контекстуальные горизонты (см.: [3]).

На наш взгляд, особенной контекстуальной перспективой обладают художественные произведения, написанные для детей: читатель, обращаясь к ним в разные годы жизни, будет овладевать новыми контекстуальными горизонтами, расширяя «контекст понимания».

В этом отношении показателен небольшой рождественский рассказ Н. С. Лескова «Христос в гостях у мужика», впервые опубликованный в журнале «Игрушечка» (1881, № 1)². Публикация рассказа в детском издании и посвящение «христианским детям» убеждает в том, что он действительно адресован детям. Но парадокс в том, что рассказ уникален своей насыщенностью

сложнейшими темами, христианскими смыслами, мотивами, образами, символами, концептами, которые вряд ли может понять маленький читатель. Даже несмотря на то, что формирование «контекста понимания» обеспечивается принадлежностью автора и читателя рассказа к одному типу культуры и типу ментальности: христианскому, православному³.

В статье мы раскрываем важные для нас, как читателей, контекстуальные горизонты («Контекст всегда персоналистичен» [2, с. 370]). Но лесковский рассказ – это шкатулка с двойным, а то и с тройным (и далее) дном. Можно смело утверждать, что у каждого читателя рассказа «Христос в гостях у мужика» будут собственные контекстуальные горизонты: текст рассказа способен к «бесконечному диалогу, где нет ни первого, ни последнего слова» [2, с. 370].

1. Путь духовного возрождения героя рассказа в контексте христианского учения о душевном устройении

Основной темой рассказа «Христос в гостях у мужика»⁴ является история духовного возрождения (спасения) Тимофея Осипова (Осиповича), поведанная его другом, «старым сибиряком». Некоторую парадоксальность истории придает тот факт, что речь идет о человеке набожном, воцерковленном, молитвеннике и знатоке священных текстов. Герой-рассказчик сообщает герою-повествователю многочисленные свидетельства религиозности героя. Так, жители поселения замечали, что Тимофей Осипович «... дома ... все книги читал, и самые божественные». После знакомства с Тимофеем герой-рассказчик сообщает

¹ П. Рикёр отмечал, что всякая структура значений имеет два смысла: «один – прямой, первичный, буквальный, означающий одновременно и другой – косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый» (см. [1]).

² Старыгина Н. Н. «Библейский текст» рассказа «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14. № 2. С. 227–238. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2020-14-2-224-235>; Старыгина Н. Н. Христианская семантика рассказа «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 238–259. DOI: <https://doi.org/10.15393/j9.art.2020.8362>

³ Контекст понимания» определяется «типами культур, типами ментальностей», которые оказывают глубинное воздействие на создание и функционирование того или иного произведения искусства» [4, с. 4] (курсив автора. – Н. С.).

⁴ Рассказ впервые после 1917 г. был опубликован: Лесков Н. С. Христос в гостях у мужика // Литература в школе. М. 1992. № 5–6. С. 24–27. Публикация, вступ. статья (с. 23–24) Н. Н. Старыгиной. В статье рассказ цитируется: Лесков Н. С. Христос в гостях у мужика. URL: https://royallib.com/read/leskov_nikolay/hristos_v_gostyah_u_mugika.html#0 (дата обращения: 14.10.2023).

следующее: «... вместе книжки читаем и о вере говорим, как по святой воле Божией жить надо, чтобы образ Создателя в себе не уронить и не обесславить»; «... говорили о всяком благодушии». «Старый сибиряк» свидетельствует, что его друг «Святое Писание знает и хорошо говорить о вере умеет», он «... умник, ... начитан и все знает», «... часто молился».

При этом, однако, герой-рассказчик замечает, что, несмотря на знание божественных текстов, начитанность, общение с Богом в молитве, Тимофей Осипович душевно неспокоен. Причиной тому была обида, нанесенная герою в юности дядей, купцом, который, будучи опекуном, обманул и растратил его состояние: «... слышно было, что его дядя обидел».

Обида, гнев и желание отомстить определяют душевное состояние героя на протяжении многих лет. Небольшое художественное пространство рассказа не помешало Лескову создать точный и емкий психологический портрет героя: «... в душе у него *обида* кипела»; «Вспомнит свою *обиду*, или особенно если ему хоть одно слово про дядю его сказать, – весь *побледнеет* и после ходит *смутный* и руки *опустит*. Тогда и *читать не хочет*, да и в глазах вместо всегдашней ласки – *гнев горит*»; «Честности он был примерной и умница, а к делам за *тоскою* своею не брался. Но *скуке* его Господь скоро помог»; «... он, однако, все-таки помнил свою *обиду*»; «А он сейчас весь *побледнел* и ни слова не ответил, только молча лошадью правил»; «он в таком *омрачении* ...»; «... а к *обиде* такую прочную память хранит»; «... а он *зло* помнит...»; «Тимофей не осерчал, но только грустно *омрачился* в лице»; «– Не сведущ, – говорит, – ты и в том, какие на свете *обиды* есть»; «... он стал говорить, что есть такие *оскорбления*, коих *стерпеть нельзя*»; «... на дядю своего столь *гневен*»; «*обида* твоя велика»; «иное простить яко бы все равно что *зло* приумножить»; «Тимофей выслушал меня и *сильно сжал* мне руку, но обширно говорить не стал, а сказал кратко: – Не могу, оставь – мне *тяжело*»; «Знал, что у него *болит*»; «... я за ним наблюдал и видел, что все он страдает»; «Спасет Господь моего друга от греха *гнева*» (курсив наш. – Н. С.).

Ключевым, характеризующим душевное состояние героя является слово «обида». В портретных зарисовках чувства героя проявляются в описании его поведения: нет желания что-то делать, даже читать; замкнутость, порывистость

движений, молчаливость. Выразительны портретные штрихи: «руки опустил» (читатель может представить понурюю фигуру героя, причем очевидно, что герой «руки опустил» в прямом и переносном смысле), бледность лица, мрачное выражение лица. Важно краткое признание героя: «мне тяжело».

Лесков вводит в рассказ точку зрения героя-рассказчика, который сочувствует другу («Сочувствие – это чувство, которое вызывается пониманием того, что другой человек находится в плохом состоянии и из-за этого испытывает негативные эмоции» [5, с. 176]), сострадает, сопереживает, желает понять причины душевного состояния Тимофея Осиповича и помочь их устранить.

Герой-рассказчик характеризует душевное состояние Тимофея Осиповича как глубоко верующий человек: Тимофей «зло помнит», им овладел «грех гнева», поэтому он в «омрачении» («омрачился»); его душа «болит» и «страдает».

Согласно христианскому учению, грех «по отношению к душе человека – духовная смерть вследствие лишения благодати Божией, оживлявшей ее высшей духовною жизнью, и повреждение всех сил духовной природы человека или помрачение в нем образа Божия»¹. Гнев, как известно, один из смертных грехов, как и жизнь в озлоблении. Если душа человека поработана греховной страстью, то он отдаляется от Бога, лишается Божьей благодати. Душу человека ждет гибель и невозможность спасения. Именно поэтому душа Тимофея Осиповича «болит» и «страдает».

Своего рода знаком лишения благодати Божией является то, что учение Христа герой воспринимает умозрительно: «Святое Писание знает и хорошо говорить о вере умеет, а к обиде такую прочную память хранит. Значит, его *святое слово не пользует*»; «Писание ты знаешь, а сердце твое гневно и Богу *не покоряется*. Есть ли тебе через это какая польза в Писании?»; «– Ну да, – отвечаю, – обида твоя велика, это правда, а что *Святое Писание тебя не пользует*, и то не ложь»; «... если пустить его на всю свободу да если он достигнет где-нибудь своего дядю, – *забудет он все Писание и поработает сатане мстительному*» (курсив наш. – Н. С.). Более того, оправдывая

¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. СПб. : Изд-во П. П. Сойкина, 1913. Т. 1. 1120 стлб. С. 690. (Репр. изд.).

«грех гнева», Тимофей Осипович не просто убеждает в том, что преступления дяди нельзя ни забыть, ни простить («И он открыл мне, что дядя смертно огорчил его отца, свел горем в могилу его мать, оклеветал его самого и при старости своих лет улестил и угрозами понудил одних людей выдать за него, за старика, молодую девушку, которую Тимоша с детства любил и всегда себе в жену взять располагал. – Разве, – говорит, – все это можно простить? Я его в жизнь не прощу»), но и ищет оправдание своему греху в священных текстах: «А он мне опять напоминает, что я слабже его в Писании, и начинает доводить, как в Ветхом Завете святые мужи сами беззаконников не щадили¹ и даже своими руками заклали. Хотел он, бедняк, *этим совесть свою передо мной оправдать*» (курсив наш. – Н. С.).

В тексте сформированы две смысловые оппозиции: Ветхий Завет / Новый Завет (см. [4, с. 28–45]) и ум / сердце (или умозрительное / душевное, рациональное / чувственное). Герой-рассказчик углубляет смысловое противостояние рассуждением: «Однако скажу тебе: в Ветхом Завете все ветхое и как-то рябит в уме двойственно, а в Новом – яснее стоит. Там надо всем блистает «Возлюби, да прости»²; «... и это всего дороже, как злат ключ, который всякий замок открывает. А в чем же прощать, неужели в некоей малой провинности, а не в самой большой вине? Он молчит. Тогда я положил в уме: «Господи! Не угодно ли воле Твоей через меня сказать слово душе брата моего?» И говорю, как Христа били, обижали, заплевали и так учредили, что одному Ему нигде места не было, а Он всех простил. Последуй, – говорю, – лучше сему, а не отомстительному обычаю».

Таким образом, душевное состояние главного героя рассказа «Христос в гостях у мужика» определяется причиненной в юности обидой, сосредоточенностью на мысли о мщении обидчику, гневом и озлобленностью. В контексте христианского учения о душе человека душевное состояние Тимофея Осиповича может рассматриваться как «противоестественное» или как «страстное расположение души».

В соответствии с христианской антропологией, человек формируется как личность, сохраняя в душе на протяжении земного пути образ Бог.

¹ См.: Деяния 2, 23.

² См.: Мф. 5, 44 («... любите врагов ваших, благославляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»).

Безличность человека означает забвение им Божественного образа (лика), то есть обезличение. Душа человека является своего рода носителем и хранителем свойств личности. По словам святителя Филарета, митрополита Московского, «...образа Божия можно искать: а) в существе человеческой души, духовном и бессмертном; б) в силах и способностях души. Амвросий, Августин и Дамаскин находят образ Св. Троицы в памяти, разуме, воле или любви; в) в соединении души с телом. Душа в теле подобно тому, как Бог в природе, будучи невидима, вся во всем присутствует, действует в нем, оживляет его, правит им и сохраняет его; г) в отношении человека к миру»³. От сил и способностей души зависит устройство земной жизни человека. «Душа в теле, подобно тому, как Бог в природе, будучи невидима, вся во всем присутствует, действует в нем, оживляет его, правит им и сохраняет его»⁴.

В христианской антропологии выделяются три типа душевного строя.

Первый – естественный строй души, который проявляется в Богом данной способности «ощущать» и «жаждать» (Пс., 41) Его. Естественное боговедение или богознание, религиозная потребность человека проявляются в способностях души: памяти (отражение божественной истины в сознании и душе человека), разуме (ведение добра и зла, пользы и вреда, красоты и безобразия), воле (возможность выбора между добром и злом, пользой и вредом).

Второй тип душевного устройства – страстное расположение души, проявляющееся в развитии особых склонностей души: страстей. Страсть есть страдание, а по отношению к душевной жизни – страдание духа, поработаемого каким-либо желанием или идеей. Развитие страстей деформирует душу человека. Страстное душевное состояние – результат грехопадения человека, оторвавшегося от живого общения с Богом⁵. Человек занят или тварным существованием (то есть он охвачен желанием овладеть кажущимся земным благом) или самим собой, своими идеями или идеалами, переживаниями, чувствами (любовь

³ Творение мира и человека. М. : Синодальная типография, 1908. С. 56.

⁴ Там же.

⁵ См. о грехопадении: Алипий (Кастальский-Бороздин), архимандрит, Исайя (Белов), архимандрит. Догматическое богословие : курс лекций. Свято-троицкая Сергиева лавра, 1994. С. 232–253.

как страсть, поклонение идолу, сотворение и поклонение земному идеалу, сосредоточенность на своем переживании и пр.)¹.

Третий тип душевного состояния – «устремленность к Богу». Началом этого процесса становится обнаружение и осознание собственной греховности, заставляющее человека встать на путь спасения и воскресения души, что предполагает покаяние, преодоление и исцеление от страстей.

Преподобный Исаака Сирина сформулировал учение о душевном устроении человека следующим образом: «Естественное состояние души есть ведение Божиих тварей, чувственных и мысленных. Сверхъестественное состояние есть возбуждение к содержанию пресущественного Божества. Противоестественное же состояние есть движение души в мятущихся страстях»².

Епископ Варнава (Беляев) выделил три степени «духовного ведения, или, что то же самое, познания Бога: противоестественное, естественное и сверхъестественное»³.

Страсть-страдание Тимофея Осиповича – обида и желание мщения. Эти чувства перерождаются в своего рода навязчивую идею, поработившую дух героя, разрушающую душу, придающую умозрительный характер его общению с Богом. (Заметим, что герой-рассказчик предваряет историю знакомства и дальнейшей дружбы с Тимофеем Осиповичем замечанием, характеризующим Тимофея Осиповича как человека ученого, склонного к размышлениям, к рационализму: «Который человек науку любил, тот был мне первый друг, и я готов был за него в огонь и в воду».) Душа героя – «душа в мятущихся страстях».

Однако в жизни героя рождественского рассказа случилось чудо, благодаря которому он осознал свой грех, раскаялся и вступил на путь духовного обновления и спасения души: «Тимофей как увидел это, вскричал: – Господи! Вижду и приму его во имя твое, а ты сам не входи ко мне: я человек злой и грешный. ... Тимофей стал навсегда мирен в сердце своем» (курсив нащ. – Н. С.).

¹ Варнава, епископ (Беляев). Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетике. Нижний Новгород : Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 1995. Т. 1. С. 239–344.

² Преподобный Исаак Сирина . Введенская Оптина Пустынь, 1854. С. 23.

³ Варнава, епископ (Беляев). Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетике. Нижний Новгород : Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 1995. Т. 1. С. 31.

Лесков, воспроизводя историю духовного возрождения героя, строго соблюдает последовательность преодоления страстного расположения души: осознание греховности, раскаяние, преодоление страсти (болезни) и исцеление и спасение души, о чем сигнализирует образ мирного сердца.

Подчеркнем, что немаловажным и традиционным для русской православной культуры фактом является ситуация покаяния «на миру»: Тимофей Осипович покаялся в «грехе гнева» «при всех». Образ героя демонстрирует соответствующий православному менталитету тип соборной личности (см. [4]).

Религиозный опыт героев рассказа, Тимофея Осиповича и героя-рассказчика, подтверждает, что «Религиозное откровение должно быть воспринято сердцем сердечным созерцанием» [6, с. 104]. Не случайно мотив и образ сердца включаются писателем в символический план повествования. «О вере позволительно говорить только там, где истина воспринимается глубиной нашей души; где на нее отзываются могучие и творческие источники нашего духа; где говорит сердце, а на его голос отзывается и остальное существо человека; где снимается печать именно с этого *водного ключа* нашей души, так что воды его приходят в движение и текут в жизнь» (курсив автора. – Н. С.) [7, с. 43].

2. Мотивный комплекс как средство формирования контекстуального содержания рассказа

В рассказе «Христос в гостях у мужика» сюжетобразующим мотивом⁴ является христианский мотив «спуститься, чтобы вознестись». Сюжет героя включает события, которые обозначают именно такую логику его жизненного пути. Завязка сюжета содержится в ретроспективном плане рассказа: это информация героя-рассказчика о том, почему Тимофей Осипович оказался в сибирском поселении и о его преступление против дяди. Сюжет героя включает перечисление фактов, свидетельствующих о вполне благополучной жизни: Тимофей Осипович строит дом, женится, в семье рождаются дети. Однако рассказчик интригует читателя, постоянно

⁴ Под мотивом понимается устойчивый смысловой элемент художественного текста, эстетически и содержательно значимая тема, закреплённая в сюжетных ситуациях, образах, символах и знаках (см.: Словарь литературных терминов. URL: <http://litterterms.ru/m/165> (дата обращения: 10.10.2023).

намекая на то, что герой не удовлетворен собственной жизнью, его что-то тревожит. Данная информация является предысторией истории душевной жизни героя, экспозицией внутреннего сюжета. Завязка внутреннего сюжета – в эпизоде беседы Тимофея Осиповича и его друга (героя-рассказчика) в дороге. Значимость и значение эпизода подчеркивается «крупным планом»: это достаточно объемный фрагмент текста, благодаря которому читатель понимает, что благополучная, на первый взгляд, жизнь героя омрачена жаждой мести. За внешне размеренной жизнью Тимофея скрывается бурная внутренняя жизнь его души. Сосредоточенность на личных переживаниях, чувствах и эмоциях закономерно приводит к событию, изменившему течение жизни героя: однажды Иисус Христос пообещал ему прийти в гости. Как это характерно для Лескова, описывая это событие, писатель тут же его объясняет: герой погрузился в «просонок», задремал и, вероятно, случилась слуховая галлюцинация. Но услышанное обещание Христа изменило жизнь Тимофея Осиповича: многолетний отрезок его жизненного пути характеризуется ожиданием прихода Христа. Кульминация и – одновременно – развязка сюжета героя происходят в рождественскую ночь, когда в доме появляется нищий старик, оказавшийся раскаявшимся в своем грехе дядей героя. Душа Тимофея Осиповича обретает покой тогда, когда случается событие прощения.

Сюжет героя подчиняется логике мотива «спуститься, чтобы вознестись», который часто рассматривают как универсальный пасхальный мотив. Вместе с тем данный мотив может интерпретироваться и как рождественский мотив возрождения души. В рассказе Лескова данный сюжетобразующий мотив поддерживается христианскими мотивами греха, прощения, раскаяния. Также с ним соотносятся мотивы, характерные для рождественско-святочной литературы: чуда, порога, пути, судьбы, испытания; а также мотивы, раскрывающие жизнь души: сердца, совести, покоя, гнева, обиды, гордости, мести и др.

Некоторые из перечисленных мотивов в рассказе Лескова имеют «оппозиции». Например, мотив мести оппозиционен мотиву прощения, мотив покоя – мотиву душевного смятения, мотив греха – мотивам раскаяния и очищения, мотив гордости (гордыни) – мотиву смирения. Оп-

позиционными являются также мотивы суда Божьего и суда человеческого.

Мотив чуда представлен в рассказе «Христос в гостях у мужика»¹ наиболее развернуто. На него указывает название: «Христос в гостях у мужика». В предисловии героя-повествователя подтверждается факт чудесного гостевания Создателя: «Настоящий рассказ о том, как сам Христос приходил на Рождество к мужику в гости и чему его выучил».

Слово-маркер «чудо» появляется в тексте всего дважды в начале речи рассказчика («... я и хочу вам рассказать, как с ним чудо было») и в описании «первого» чуда – обещания Христа прийти в гости («чуду начало»).

В развитии мотива чуда особое значение приобретает ситуация ожидания чуда, что подтверждается ее протяженностью во времени.

Много лет ждет «старый сибиряк», когда произойдет чудесное спасение души его друга: «Но в сердце своем я был покоен, потому что виделся мне тут перст божий. Стал уже он помалу показываться, ну так, верно, и всю руку увидим. Спасет Господь моего друга от греха гнева». Мотив ожидания чуда в данном фрагменте соотносится с мотивами греха, гнева, спасения, покоя (душевного).

Долго ожидает обещанного Богом чуда и сам Тимофей Осипович: «Ждал Тимофей Спасителя на другой день после слова в розовом садике, ждал в третий день, потом в первое воскресенье – но ожидания эти были без исполнения. Долгодневны и еще были его ожидания: на всякий праздник Тимофей все ждал Христа в гости и истомился тревогою, но не ослабевал в уповании, что Господь свое обещание сдержит – придет. Открыл мне Тимофей так, что «всякий день, говорит, я молю: «Ей, гряди, Господи!» – и ожидаю, но не слышу желанного ответа: «Ей, гряду скоро!»²; «Тимофей велел жене с другого же дня ставить за столом лишнее место. Как садятся они за стол пять человек – он, да жена, да трое ребятишек, – всегда у них шестое место и конце стола почетное, и перед ним большое кресло»; «Открыл мне Тимофей так, что «всякий день, говорит, я молю: «Ей, гряди, Господи!» – и ожидаю, но

¹ Христианские мотивы в рассказе «Христос в гостях у мужика» А. А. Кретьева рассматривала в контексте проблемы сверхъестественного в святочной прозе писателя (см.: [8]).

² Откр. Ин. 22, 20 («Свидетельствующие сие говорят: ей, гряду скоро! аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!»).

не слышу желанного ответа: «Ей, гряди скоро!»¹. Мотив ожидания чуда соотносится с мотивами душевного смятения, тревоги. Важно подчеркнуть, что Тимофей ждет *Спасителя*, то есть ждет не просто чуда, но спасения души.

В рассказе о чуде Лесков использует прием параллелизма / дублирования: описаны три чудесных события.

Первое событие – это обещание Христа прийти в гости к мужику: «Таким точно порядком пришел он раз сюда и взял с собою Евангелие. Пооглядел розыны, а потом присел, раскрыл книгу и стал читать. Читает, как Христос пришел в гости к фарисею² и Ему не подали даже воды, чтобы омыть ноги. И стало Тимофею нестерпимо обидно за Господа и жаль Его. Так жаль, что он заплакал о том, как этот богатый хозяин обошелся со святым гостем. Вот тут в эту самую минуту и случилось *чуду начало*, о котором Тимоша мне так говорил:

– Гляжу, – говорит, – вокруг себя и думаю: какое у меня всего изобилие и довольство, а Господь мой ходил в такой ценности и унижении... И наполнились все глаза мои слезами и никак их сморгнуть не могу; и все вокруг меня стало розовое, даже самые мои слезы. Так, вроде забытья или обморока, и воскликнул я: «Господи! Если б ты ко мне пришел – я бы тебе и себя самого отдал».

А ему вдруг в ответ откуда-то, как в ветерке в розовом, дохнуло: – *Приду!*».

Второе чудесное событие – появление старика, дяди Тимофея, в Христово Рождество: «А в двери на пороге стоял старый-престарый старик, весь в худом рубище, дрожит и, чтобы не упасть, обеими руками за притолки держится; а из-за него из сеней, где темно было, – неописанный розовый свет светит, и через плечо старика вперед в хоромину выходит белая, как из снега, рука, и в ней длинная глиняная плошка с огнем – такая, как на беседе Никодима пишется... Ветер с вьюгой с надворья рвет, а огня не колышет... И светит этот огонь старику в лицо и на руку, а на руке в глаза бросается заросший старый шрам, весь побелел от стужи.

Тимофей как увидел это, вскричал:

– Господи! Вижду и приму его во имя твое, а ты сам не входи ко мне: я человек злой и грешный. – Да с этим и поклонился лицом до земли.

А с ним и я упал на землю от радости, что его настоящей христианской покорностью тронуло; и воскликнул всем вслух:

– Вонмем³: Христос среди нас!».

О третьем чуде поведал гость – старик: «... это был враг Тимофея – дядя, который всего его разорил. В кратких словах он сказал, что все у него прошло прахом: и семьи, и богатства он лишился, и ходил давно, чтобы отыскать племянника и просить у него прощения. И жаждал он этого, и боялся Тимофеева гнева, а в эту мятель сбился с пути и, замерзая, чаял смерти единой.

– Но вдруг, – говорит, – кто-то *неведомый* осиял меня и сказал: «Иди, согрейся на моем месте и поешь из моей чаши», взял меня за обе руки, и я стал здесь, сам не знаю отколе.

А Тимофей при всех отвечал:

– Я, дядя, твоего провожатого ведаю: это Господь, который сказал: «Аще алчет враг твой – ухлеби его, аще жаждет – напои его»⁴. Сядь у меня на первом месте – ешь и пей во славу его, и будь в доме моем во всей воле до конца жизни».

Как обыкновенно бывает в лесковских рождественских и святочных рассказах, чудо – это сам человек, душа которого открывается Богу, живому общению с Иисусом Христом, возрождению и спасению. Заключительная сентенция героя-повествователя закрепляет в сознании читателя именно такое понимание чуда: «Так научен был мужик устроить в сердце своем ясли для рожденного на земле Христа. И всякое сердце может быть такими яслями, если оно исполнило заповедь: «Любите врагов ваших, благотворите обиженным вас»⁵. Христос придет в это сердце, как в убранную горницу, и сотворит себе там обитель. Ей, гряди, Господи; ей, гряди скоро!».

Сюжетной скрепой рассказа о чуде является мотив гостя (гостевания, гостеприимства). Он проявляется двояко: в христианском душеспасительном сюжете рассказа и в бытовой зарисовке.

Мотив гостя заявлен в заглавии рассказа «Христос в гостях у мужика» и вступительном слове героя-повествователя в обрамлении сказовой ситуации. Завершается развитие мотива гостя в заключении-сентенции героя-повествователя. В данном рассказе мотив гостя структурирует сказовую

³ *Вонмем* – слушайте (буквально: восслушаем).

⁴ Посл. римлянам Пвл. 12, 20 («Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его: ибо делая сие, ты соберешь ему на голову горькие уголья»).

⁵ Мф. 5, 44; Лк. 6, 27.

¹ Откр. Ин. 22, 20.

² Лк. 7, 36–50.

ситуацию (что в целом характерно для оформления сказовых ситуаций в произведениях Лескова¹).

В рассказе героя-рассказчика мотив гостя представлен в ситуации ожидания чуда и в событиях, случившихся с героем, ожидающем «великого гостя».

Первым событием стало приглашение в гости (обязательный этикетный атрибут). Оно последовало от чистого сердца, от переполнившего душу Тимофея Осиповича сочувствия к Христу-страннику: «Читает, как Христос пришел в гости к фарисею² и Ему не подали даже воды, чтобы омыть ноги. И стало Тимофею нестерпимо обидно за Господа и жаль Его. Так жаль, что он заплакал о том, как этот богатый хозяин обошелся со святым гостем».

В данном эпизоде герой рассказа открывается читателю другой стороной своей души. Он способен сочувствовать, сопереживать, он добродетелен: «Развиваясь, гостеприимство приняло общественный характер, сделалось проявлением добродетели, любви к ближнему»³.

Поведение Тимофея Осиповича (а здесь важны молитва, слезы) сигнализирует о том, что его душа остается живой, следовательно, она открыта Богу и спасению.

Поведение героя, ожидающего гостя («великого гостя», «первого гостя») типично в контексте русской бытовой культуры. Тимофея Осиповича волнуют проблемы этикетного характера. Он хлопот о том, чтобы ежедневно все было готово к приему: почетное место, прибор, угощение. Ожидая «великого гостя» накануне Рождества Христова, герой также беспокоится о соблюдении этикета: приглашает родных, накрывает праздничный стол, определяет почетное место и др. В контексте традиций русской культуры поведение героя естественно и соответствует принятым правилам бытового этикета, в которых проявляется русский национальный характер и в целом менталитет нации. Гостеприимство – одна из его ценностей. «В русском языке оно обозначается сразу тремя словами *гостеприимство*, *радушие*, *хлебосольство*» (курсив автора. – Н. С.) [11, с. 94]. «Радушие указывает в первую очередь на любезность и особую приветливость по отно-

шению к гостям ... В слове *гостеприимство* – на первом плане готовность человека впустить чужого в свой дом или даже предоставить ему кров. ... *Хлебосольство* – наиболее специфическое русское качество, а само слово возникло от сочетания слов «хлеб» и «соль» – основы каждодневной жизни» (курсив автора. – Н. С.) [11, с. 94–95]. «Умел звать – умей и угощать!» – в народной пословице раскрывается модель поведения героя рассказа.

Традиция гостеприимства в русской культуре тесно связана с христианской этикой гостеприимства, которое составляет долг верующих и должно проявляться особенно по отношению к бедным и даже – к врагам⁴

В рассказе раскрываются христианские смыслы гостеприимства. Так, друг (рассказчик) героя советует при встрече Иисуса Христа соблюдать христианские заповеди: «А ты если уповательно ждешь столь великого гостя, зови не своих друзей, а сделай ему угодное товарищество». «Угодное товарищество» – это бедные, нищие, убогие. Тимофей следует совету: «Сейчас пошлю служащих у меня и сына моего обойти села и звать всех ссыльных – кто в нужде и в бедствии. Явит Господь дивную милость – пожалует, так встретит все по заповеди».

На праздник Рождество – встречу Христа в доме Тимофея собираются «бедные поселенцы»: «Пришли мы в Рождество к Тимофею всей семьей, попозже, как ходят на званный стол. Так он звал, чтобы *всех дождаться*. Застали большие хоромы его полны людей всякого нашенского, сибирского, зыбильного роду. Мужчины и женщины и детское поколение, всякого звания и из разных мест – и российские, и поляки, и чухонской веры. Тимофей собрал всех бедных поселенцев, которые еще с прибытия не оправились на своем хозяйстве. Столы большие, крыты скатертями и всем, чем надобно. Батрачки бегают, квасы и чаши с пирогами расставляют». Хозяин демонстрирует гостеприимство, радушие, хлебосольство.

Но в полной мере гостеприимство Тимофея становится соответствующим христианской этике в эпизоде встречи врага – дяди. В Евангелии сказано: «Если голоден враг твой, накорми его хлебом, и если он жаждет, напой его водою» (Римл. 12, 20).

¹ См. подробнее: [9], [10].

² Лк. 7, 36–50.

³ Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. СПб., Изд-во П. П. Сойкина, 1913. Т. 1. 1120 стлб. С. 664. (Репр. изд.).

⁴ О гостеприимстве подробнее см. : Практическая симфония для проповедников Слова Божия / сост. Гр. Дьяченко. М. : Изд-во товарищества И. Д. Сытина, 1903. С. 39–40 (Репр. издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. 498 с.).

Герой поступает по заповеди: «Тимофей встал, взял его за обе руки и посадил на первое место. А кто он был, этот старик, может быть, вы и сами догадаетесь: это был *враг* Тимофея – дядя, который всего его разорил».

В данном эпизоде мотив гостя органично дополняется мотивом порога – «гость на пороге». В рождественско-святочной литературе этот мотив является функциональным: он указывает на переломную ситуацию в развитии рождественской истории.

Мотив порога является хронотопическим. М. М. Бахтин характеризует его следующим образом: «Он может сочетаться и с мотивом встречи, но наиболее существенное его восполнение – это хронотоп кризиса и жизненного перелома. Самое слово «порог» уже в речевой жизни (наряду с реальным значением) получило метафорическое значение и сочеталось с моментом перелома в жизни, кризиса, меняющего жизнь решения (или нерешительности, боязни переступить порог). В литературе хронотоп порога всегда метафоричен и символичен» [12, с. 494].

«Гость на пороге» в лесковском рассказе символизирует перелом в жизни героя: он преодолевает противоестественное душевное состояние и обретает душевный покой. «Переступая порог человек оставляет позади старые мысли, понятия, эмоциональные представления, более ему не нужные, забывает о собственной личности и материальном мире и вступает в мир тишины и благоговения; горизонты его расширяются»¹.

Писатель усиливает впечатление значимости события и его переломного характера дополнительными нюансами. Так, появление дяди сопровождается шумом и ударом в стену дома, вызвавшими страх у присутствующих: «...внезапно что-то так страшно ударило со двора в стену, что даже все зашаталось, а потом сразу же прошумел шум по широким сеням, и вдруг *двери* в горницу сами вскрылись настежь».

Все люди, сколько тут было, в неопisanном страхе шарахнулись в один угол, а многие упали, и только кои всех смелее на *двери* смотрели. А в *двери на пороге* стоял старый-престарый старик, весь в худом рубище, дрожит и, чтобы не упасть, обеими руками за притолки держится...» (курсив наш. – Н. С.).

¹ Дверь // Энциклопедия знаков и символов. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Isaak_Sirin/slova-podvizhicheskie/ (дата обращения: 12.10.2023).

Здесь особое значение приобретает вещный образ двери, который также становится знаком изменения, поворотного момента в жизни героя.

Образ-символ «дверь» вбирает в себя такие смыслы, как «граница», «переход из одного места или состояния в другое, от света к тени; превращение, вход в новую жизнь» «приют и защита Великой Матери», «доступ к убежищу и теплу очага, общение, контакты с людьми и внешним миром»². Открытая дверь символизирует «предоставляющуюся возможность, освобождение», «встречу, приглашение к открытию»³.

Заметим, что и в славянской мифологии дверь – «часть жилища, связанная с символикой границы и с семантикой входа и выхода». В христианской символике дверь является символом «входа в царство небесное: ср. именование Богородицы – «Дверь Спасения», а также значение Царских врат в храме»⁴.

Своеобразный комплекс образов-символов дом, дверь, порог обозначает комплекс христианских мотивов, развивающихся в тексте лесковского рассказа. Распахнутая настежь дверь – образ, связанный по смыслу и с мотивом гостеприимства, и с мотивом порога. Кроме того, Лесков одним словосочетанием «вскрылись настежь» передает впечатление динамичности происходящих событий, неожиданности, непредсказуемости. Переломный характер события подчеркивается также противопоставлениями одинокого старика и толпы гостей, облика нищего старца и образа обильного праздничного стола.

Глубочайшим смыслом наполнена ситуация, которую условно можно назвать «смена роли» или «я вместо другого». Нищий старик, злейший враг по воле Христа становится «первым гостем»: «...кто-то *неведомый* осиял меня и сказал: «Иди, согрейся на моем месте и поешь из моей чаши», взял меня за обе руки, и я стал здесь, сам не знаю отколе»; «Сядь у меня на первом месте – ешь и пей во славу его, и будь в доме моем во всей воле до конца жизни».

Заметим, что в эпизоде появления старика мотив порога соотносится с мотивом метели: «...а в эту мятель сбился с пути и, замерзая, чаял смерти единой. – Но вдруг, – говорит, – кто-то *неведомый* осиял меня...». Аналогичным образом подобная переломная ситуация оформлена

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

в святочном рассказе «Пугало» Н. С. Лескова. Конечно, данный мотив является аллюзией на известный эпизод в романе «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Мотив метели является сопутствующим мотиву спасения, а также мотиву плутания («Разум мой недоумевал, что отвечать Тимофею, и часто я думал, что друг мой загордел и теперь за то путается в напрасном обольщении»), которые в христианском контексте содержания рассказа приобретают глубоко символический смысл.

Событие появления старика завершается акцентированием христианского мотива «возвращение блудного сына». Человеку – «блудному сыну» – надо лишь встать и идти в Отчий дом с покаянием, а Отец встретит уже тогда, когда он будет «еще далеко» (Лк. 15, 20) от дома. Главное, чтобы человек захотел спастись и идти к спасению по пути, на который указан Господь («Встану, пойду к Отцу моему» – Лк. 15, 18). Мотив «возвращение блудного сына» соотносится как с образом дяди, так и с образом Тимофея Осиповича. Душа каждого героя возвращается к Богу после скитаний. Старик, осознав свой грех, искал племянника, чтобы просить прощение за преступление. Тимофей, простив, обрел душевный покой, то есть вернулся в «дом Христа», впустив в свой дом «врага», дав дяде кров и приют: «... и будь в дому моем во всей воле до конца жизни»; «С той поры старик так и остался у Тимофея и, умирая, благословил его, а Тимофей стал навсегда мирен в сердце своем».

Образ дома в рассказе символизирует кров, приют, семью («Дом вывел, как хоромы хорошие; всем полно, всего вдоволь и от всех в уважении, и жена добрая, а дети здоровые»), собственно, дом как жилище и строение. Поэтому читатель может предполагать, что Христос, как обычный человек, посетит дом Тимофея, сядет в приготовленное хозяином дома кресло, на почетное место за столом. Герой, как сказано ранее, ждет Христа в гости и готовится к Его приходу как к приходу земного человека, хотя и чувствует свою малость: «Господи! Я не достоин, чтобы ты вошел в дом мой» (Мф. 15, 15).

Однако образ дома не исчерпывается «бытовыми» смыслами, он приобретает символическое значение, когда актуализируется мотив сердца. Домом, в котором поселился Христос, становится сердце героя («стал мирен в сердце своем»). Образ дома-сердца или дома-души закрепляется в сентенции героя-повествователя: «Так научен

был мужик устроить в сердце своем ясли для рожденного на земле Христа. И всякое сердце может быть такими яслями, если оно исполнило заповедь: «Любите врагов ваших, благотворите обидевшим вас»¹. Христос придет в это сердце, как в убранную горницу, и сотворит себе там обитель».

В христианстве мотив и образ сердца всегда сопряжены с пониманием человека, его духа, души и веры. «Кто читает с надлежащим вниманием слово Божие, тот легко может заметить, что во всех священных книгах и у всех богодухновенных писателей сердце человеческое рассматривается как средоточие всей телесной и духовной жизни человека, как существенный орган ближайшее седалище всех сил, отправлений, движений, желаний, чувствований и мыслей человека со всеми их направлениями и оттенками» [13, с. 69].

Таким образом, образ-символ «дом», знакомый для мотива «возвращение блудного сына», трактуется многозначно: как дом-кров, семейный очаг, приют и как дом-сердце, обитель для Господа. (Обитель – это не только тот же дом, жилье, но и монастырь, и пристанище для странников, Церковь как Божий дом^{2,3}. В образе дома важны и собственно рождественские смыслы, на которые указывает мотив празднования Рождества Христова и образ яслей, ставших приютом для рожденного Пресвятой Девой Христа (Лк. 2, 7).

Мотивный комплекс рассказа «Христос в гостях у мужика» формирует христианский контекст, который, в свою очередь, придает символическое значение даже тем мотивам, которые, при первом прочтении, воспринимаются сугубо житейскими или бытовыми. Например, мотивы чтения, дружбы, семьи, взаимоотношения поколений, празднования и др. Христианский контекст сообщает им дополнительные смыслы, вызывает в сознании читателя ассоциации с евангельскими сюжетами, мотивами и образами.

В комплектации и функционировании мотивного комплекса рассказа особое значение имеет цитация священных текстов. В произведении приведено около десяти точных цитат из Евангелий, обозначены четыре сюжетные ситуации из жизни Иисуса

¹ Мф. 5, 44 ; Лк 6, 27.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1981.

³ Алипий (Кастальский-Бороздин), архимандрит, Исая (Белов), архимандрит. Догматическое богословие : курс лекций. Свято-троицкая Сергиева лавра, 1994. С. 585.

Христа, введены символические образы («чаша», «рука», «свет» и др.). Благодаря евангельским и, шире, библейским цитатам, реминисценциям, аллюзиям формируется «евангельский текст» рассказа, который можно рассматривать как одну из акту-

альных для писателя форм представленности контекстуального содержания. Мотивный комплекс «евангельского текста» развивается параллельно с мотивным комплексом рассказа Лескова, создавая христианский «контекст понимания».

1. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. фр. И. С. Вдовина. М. : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 1995. 624 с.
2. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 361–373.
3. Старыгина Н. Н. Контекстуальная поэтика художественного произведения как предмет филологического анализа // Вестник Марийского государственного университета, 2019. Т. 13. № 1. С. 91–97. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2019-13-1-91-97>
4. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского университета, 1995. 288 с.
5. Гладкова А. Н. Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки. М. : Языки славянской культуры, 2010. 304 с.
6. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: исследование. В 2-х т. М. : ТОО «Рарогъ», 1993. 448 с.
7. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр.соч. : в 10 т. М., 1996. Т. 1. С. 39–285.
8. Кретьева А. А. Христианские заповеди в святочных рассказах Н. С. Лескова «Христос в гостях у мужика», «Под Рождество обидели» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сборник научных трудов. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 2. С. 471–478.
9. Старыгина Н. Н. Изображение сказовой ситуации в цикле «Рассказы кстати» Н. С. Лескова // Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 9–10 ноября 2009 года / Марийский гос.ун-т ; отв. ред. Н. Н. Старыгина. Йошкар-Ола, 2010. С. 38–48.
10. Старыгина Н. Н. Разновидности сказовой ситуации в циклах Н. С. Лескова // Вестник лаборатории аналитической филологии. Йошкар-Ола, 2012. Вып. 5. С. 105–131.
11. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М. : Флинта : Наука, 2007. 320 с.
12. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. 504 с.
13. Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // Философские произведения. М. : Изд-во «Правда», 1990. С. 69–104.
14. Ангелова-Трынко А. В. Русский человек в мире Н. С. Лескова : монография / научн. ред. В. В. Андреев. Воронеж : ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», 2014. 252 с.
15. Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. М. : Наука. Ленинградское отделение, 1988. 296 с.
16. Колесникова В. С. Православный храм. Символика и традиции. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006. 540 с.
17. Кретьева А. А. «Будьте совершенны...» Религиозно-нравственные искания в святочном творчестве Н. С. Лескова и его современников. М., Орел, 1999. 304 с.
18. Райгородский Л. Д. Иконопись и живопись. Икона и картина // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 15. СПб., 2014. № 1. С. 126–138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ikonopis-i-zhivopis-ikony-i-kartiny/viewer> (дата обращения: 09.10.2023).

Статья поступила в редакцию 26.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.11.2023 г.; принята к публикации 14.12.2023 г.

Об авторе

Старыгина Наталья Николаевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), starigina@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Riker P. Konflikt interpretatsyi. Ocherki o germenevtike [Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Transl. from French by I. S. Vdovin. M., Canon-Press-C: Kuchkovo field, 1995, 624 p. (In Russ.).
2. Bakhtin M. M. K metodologii gumanitarnykh nauk [Towards the methodology of the Humanities]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* = Aesthetics of Verbal Creativity, M., Art Publ., 1979, pp. 361–373. (In Russ.).
3. Starygina N. N. Kontekstual'naya poetika khudozhestvennogo proizvedeniya kak predmet filologicheskogo analiza [Contextual poetics of literary work as a subject of philological analysis]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 91–97. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2019-13-1-91-97>

4. Esaulov I. A. Kategoriya sobornosti v russkoi literature [The category of conciliarity in Russian literature]. Petrozavodsk, Publ. house of Petrozavodsk University, 1995, 288 p. (In Russ.).
5. Gladkova A. N. Russkaya kul'turnaya semantika: emotsii, tsennosti, zhiznennye ustanovki [Russian cultural semantics: emotions, values, attitudes]. M., Languages of Slavic culture Publ., 2010, 304 p. (In Russ.).
6. Ilyin I. A. Aksiomy religioznogo opyta: issledovanie [Axioms of religious experience: a study]. In 2 vol. M., TOO "Rarog" Publ., 1993, 448 p. (In Russ.).
7. Ilyin I. A. Put' dukhovnogo obnovleniya [The path of spiritual renewal]. Collected works : in 10 vols. M., 1996, vol. 1, pp. 39–285. (In Russ.).
8. Kretova A. A. Khristianskie zapovedi v svyatochnykh rasskazakh N. S. Leskova "Khristos v gostyakh u muzhika", "Pod Rozhdestvo obideli" [Christian commandments in N. S. Leskov's Christmas stories "Christ visiting a peasant", "They offended at Christmas"]. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr : sbornik nauchnykh trudov* = The Gospel text in Russian literature of the XVIII–XX centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre : collection of scientific works, Petrozavodsk, Publ. house of PetrSU, 1998, issue 2, pp. 471–478. (In Russ.).
9. Starygina N. N. Izobrazhenie skazovoi situatsii v tsikle "Rasskazy kstati" N. S. Leskova [Depiction of a tale situation in the cycle "Stories by the Way" by N. S. Leskov]. *Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya literatury v vuze i shkole: materialy VIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Yoshkar-Ola, 9–10 noyabrya 2009 goda* = Current problems of studying and teaching literature at universities and schools: materials of the VIII All-Russian scientific and practical conference (Yoshkar-Ola, November 9–10, 2009). Mari State University, resp. ed. N. N. Starygina, Yoshkar-Ola, 2010, pp. 38–48. (In Russ.).
10. Starygina N. N. Raznovidnosti skazovoi situatsii v tsiklakh N. S. Leskova [Varieties of the tale situation in the cycles of N. S. Leskov]. *Vestnik laboratorii analiticheskoi filologii* = Bulletin of the Laboratory of Analytical Philology, Yoshkar-Ola, 2012, issue 5, pp. 105–131. (In Russ.).
11. Sergeeva A. V. Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost' [Russians: stereotypes of behavior, traditions, mentality]. M., FLINTA, Science Publ, 2007, 320 p.
12. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki [Issues of literature and aesthetics]. M., Fiction Publ., 1975, 504 p. (In Russ.).
13. Yurkevich P. D. Serdtse i ego znachenie v dukhovnoi zhizni cheloveka, po ucheniyu slova Bozhiya [The heart and its significance in the spiritual life of man, according to the teaching of the word of God]. *Filosofskie proizvedeniya* = Philosophical works, M., Publishing house "Pravda", 1990, pp. 69–104. (In Russ.).
14. Angelova-Trynko A. V. Russkii chelovek v mire N. S. Leskova : monografiya [The Russian man in the world by N. S. Leskov: monograph]. Scient. ed. V. V. Andreeva. Voronezh, Publ. house of the Air Force Academy named after prof. N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin, 2014, 252 p. (In Russ.).
15. Gorelov A. A. N. S. Leskov i narodnaya kul'tura [N. S. Leskov and folk culture]. M., Science Publ. Leningrad Branch, 1988, 296 p. (In Russ.).
16. Kolesnikova V. S. Pravoslavnyi khram. Simvolika i traditsii [Orthodox church. Symbols and traditions]. M., OLMA-Press Publ., 2006, 540 p. (In Russ.).
17. Kretova A. A. "Bud'te sovershenny..." Religiozno-nravstvennyye iskaniya v svyatochnom tvorchestve N. S. Leskova i ego sovremennikov ["Be perfect..." Religious and moral searches in the Yuletide works of N. S. Leskov and his contemporaries]. M., Orel Publ., 1999, 304 p. (In Russ.).
18. Raigorodskiy L. D. Ikonopis' i zhivopis'. Ikona i kartina [Iconography and painting. Icon and picture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 15* = Vestnik of St. Petersburg University. Arts, SPb., 2014, no. 1, pp. 126–138. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ikonopis-i-zhivopis-ikony-i-kartiny/viewer> (accessed 09.10.2023). (In Russ.).

The article was submitted 26.10.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 14.12.2023.

About the author

Natalya N. Starygina

Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), starygina@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript.